

НЕ ОСТУДИТЬ ГРАЖДАНСКОЙ СТРАСТИ

Размышления Спартака Мишулина о творческой судьбе актера

Возможно ли обнаружить нечто общее между Карлсоном и Остапом Бендером? Непросто ответить на этот вопрос. А тем не менее есть в советском театре актер, среди ролей которого эти персонажи. Актер Московского театра сатиры, народный артист РСФСР Спартак Мишулин, известный зрителям как исполнитель комедийных киноролей, в театре сыграл немало ролей драматических и совсем несмешных.

В беседе с корреспондентом Л. Днепровским артист попытался осмыслить свою творческую судьбу.

КОГДА НИЧТО в жизни не волнует, имеет смысл умереть... Волнением, постоянной неуспокоенностью сердца и души и жив человек, это движет его земное существование. Я актер, мое дело — выходить на сцену и говорить с людьми. Каждый раз это может (да и должен, видимо) быть разговор о разном. Но в любом случае тема должна болеть и в актере, и в зрителе. Иначе — зачем тогда все? Зачем я, зачем зритель, зачем тратить время? Думаете, работать в Театре сатиры легко и весело? Мол-де жанр настраивает на веселый лад. В одном спектакле обличил, в другом спародировал, в третьем лихо сплясал — и все. Две недели прошло — иди и получай зарплату, живи дальше и весели народ.

Но есть проблема. И, если вдуматься, немалая. Играем-то мы, актеры, не для себя. И не домашний капустник. Проблема зрителя. Точнее, контакта с ним. Вовлечения его в круг интересов театра, в то, ради чего, собственно, создаются спектакли, тратятся силы, время. Труд огромного коллектива людей многих театральных профессий.

Говорят, когда-то после некоторых спектаклей зрители не расходились, оставались в зале, и стихийно возникало обсуждение только что увиденного, горячие споры по теме, по проблеме. Споры, в которые включались и актеры.

Знаю, знаю, мне тут же могут сказать: а где те спектакли? Есть, есть такие спектакли, им не откажешь в боевитости, взволнованности, мастерстве. Иначе как объяснить вечерние «нет ли лишнего билетика»?

А может, все-таки изменился зритель? Идет лишь на любимых актеров, режиссеров, авторов и меньше всего — на тему, проблему? Нет ли в этом некоторого потребительства части зрителей, отношения к театру как к заведению, которое непременно доставляет удовольствие?

Такому зрителю в нашем Театре сатиры делать нечего. То есть он, конечно, может купить билет и прийти на спектакль. Но ведь он хочет «за свои кровные» получить развлечение, как говорят ныне, «отвлечься»... Я всегда озадачен: от чего?!

И думаешь: каким же должен быть наш зритель? Верно, при всей своей неодинаковости — в чем-то, или нет... чем-то объединенным в театре. Любостью ли к нашему делу, заинтересованностью ли в том, чтобы театр помог ему, зрителю, разобраться в сложных аспектах сегодняшней жизни, в проблемах, которые порой возникают, как грибы после хорошего дождя. Словом, люди, которые пришли в театр, должны представлять собой одну человеческую семью с общей болью, общей

меркой чего-то главного, животрепещущего в жизни. Общей меркой человеческой совести.

Мне могут возразить: «А собственно, почему это все должны быть с общей меркой? Так никогда не было и не может быть: люди-то разные. Задача театра как раз в том и состоит, чтобы объединить людей, сосредоточить, заострить их внимание на конкретной проблеме, конкретном явлении».

Но, если честно, всегда ли это получается? Люди ведь действительно разные приходят в театр. Чтобы полностью переключить их на нечто конкретное, нужна высокая драматургия, прицельная. А где она? Играем часто лучше... из среднего.

Мне говорят: вам, актерам, и карты в руки, ищите. Все так, все вроде бы правильно. «Карты в руки...» Но как хочется ошутить в руках эти самые карты. И чтоб поменьше было в них шестерок и побольше тузов. С шестерками не выиграешь. Да и тузы хорошо бы иметь козырные, а то ведь любая козырная шестерка так покроет просто-го туза, что ему, бедняге, недолго и в отыгрыше оказаться...

С годами задумываешься: что сделал? И понимаешь, что в общем-то не так уж и много. Недало людям, не реализовал и половины того, что мог бы реализовать в своем деле. Начинаешь копать: почему? Вроде бы работа есть в театре без дела не сижу. Валентин Николаевич Плучек доверяет разные роли, драматические в том числе. И все-таки этого мало, к сожалению, очень мало... Большая труппа, другим актерам так же, как и мне, надо играть, надо реализовать свои возможности. И я всегда по-человечески рад, когда такое случается у моих товарищей. Но так уж устроен (как, впрочем, не только актер, но и, верно, любой человек), тут же невольно сравниваю достигнутое товарищами с тем, что самому удалось сделать. И часто, поверьте, это вызывает не очень веселые мысли и чувства... Нет, я вовсе не сгораю от черной зависти.

Об этом как-то не принято говорить, да еще публично. Но... что значит — не принято? — думаю я. Ведь процесс-то творческий, взаимный, рассчитанный на талант каждого из нас. И потом, что делать — душа болит? Ведь думаешь-то о своем труде, его смысле.

Со стороны взглянуть, так и жаловаться мне вроде бы грешно: есть известность, некоторая популярность. Но это — с одной стороны. А с другой — острое ощущение творческого голода, желание сделать больше, быть полезней в своем деле.

ВОТ ГОВОРЯТ, что актеры нашего театра чем-то отличаются от актеров обычного драматического театра. Я подумал: может, действительно? Присмотрелся — ничего такого не обнаружил. В себе по крайней мере. В других, кажется, тоже. Впрочем, что-то есть. Что-то — это ярлык. Такой большой и прочный. Как амбарный замок. Не собеешь.

В молодости играл Тузенбаха, Комунибуду сейчас скажи — не говорят. Улыбнутся: «Шутишь...» А критики отмечали меня в этой роли. Играл Сер-

гея в «Иркутской истории» Арбузова. Тоже не самая смешная роль. Теперь «грехи молодости» забыты. А все же забыты ли?.. Мною прежде всего. И, честно сказать, я уж давно не в восторге от таких возгласов.

— Спартак Мишулин? А — пан Директор, Карлсон!

— А помните, как он изображал неудачливого воришку в спектакле «Маленькие комедии большого дома»?

Это зрители. А режиссеры:

— Что? Предложить ему драматическую роль? Загубит! У него же на лице написано — чудик!

А режиссер Мотыль не был в этом убежден. Взял да и поверил. Снял меня в фильме «Белое солнце пустыни». И, говорят, никого я не насмешил. И даже очень запомнился вовсе не кажущейся серьезностью.

Но уже укоренилось, висит ярлычок: для драмы опасен, может вызвать ненужную улыбку, вот комические роли — это его стихия.

В нашем театре всегда аншлаги. Люди любят наш театр, наши спектакли, наших актеров. Значит, есть за что любить? На радио, телевидение приглашают охотно и регулярно. А много ли наших актеров занято в кино? Или даже не так, иначе: много ли наших актеров снимается в драматическом кинематографе? Папанов, Миронов... Иногда Аросева, Качук. Но они больше — в комедиях. Неожиданно и прекрасно сыграл Козел начальника контрразведки в «Адьютанте Египта» Превосходительства». Сыграл по-настоящему драматическую роль. И что же? Еще 2 — 3 царских полковника... Бывших. Но ведь живет артист Козел сегодня! И волнуют его проблемы сегодняшнего дня!

У каждого из нас, актеров, своя подушка, соленая от слез. Абсолютного удовлетворения ни в одном виде человеческой деятельности нет.

Как же быть? Как вырваться из так называемого «заколдованного круга» комедии? Мне скажут: можно и в комедии сыграть так и про такое, что мурашки по коже побегут. Все правильно. Но ведь — все та же старая истина — не актер выбирает, а его выбирают. А время тик-так, тик-так, бежит себе. Сегодня не сыграл, завтра не сыграл, а послезавтра глянул на себя в зеркало — о-о-о, это уже не сыграть, то тоже ушло...

Я иду по улице и вижу, как хам оскорбляет женщину. Что я могу сделать? Будь я милиционером, подошел бы и без звука выполнил свой служебный долг. Но я не милиционер, я прохожий. Подхожу и — тоже без звука — выполняю свой мужской долг. Быть прицельно, чтоб ему побольнее было. Чтоб долго вспоминал хам, во что ему может обойтись «геройство» в пьяном виде. И даже в трезвом. Но тогда уже меня возьмут «под белы ручки» — пожалуйста, Спартак Васильевич, на пятнадцать суток — хулиганство в общественном месте. Что будет с тем, кого я ударю, не знаю, едва ли он изменится...

Другой вариант. Я подхожу к хаму и говорю:

— Как вам не стыдно? Перед вами женщина...

— Не мужик, вижу, — даже не взглянув на меня, отвечает хам. Потом поворачивается и широко улыбается: — А-а, пан Директор! Привет, родимый! Чего шумишь? Тут не Кабачок. Все нормально, шеф! А ты вообще молоток, смешно изображаешь...

И... продолжает хамить женщине, как будто никто к нему не подходил, так, мираж в виде знакомого по «телеку» лица.

Понимаете, меня как гражданина, который способен всерьез возмутиться, он не воспринял. Во всяком случае опасности с моей стороны не ждет. Это драматично для меня. Он привык: Спартак Мишулин — пан Директор, какой он судья мне, все обойдется, окончится хорошим анекдотом, улыбкой.

Нет, что ни говорите, первый вариант («врезать» хаму) внушительней выглядит. А там... там пусть хам разбирается: кто его ударил — пан Директор или актер Спартак Мишулин? Важно, что он понял: хамство наказуемо.

НО В ЭТОМ ли выход? Что же делать? Как выразить по-настоящему свое отношение к гнуснейшему явлению — хамству? Как выступить мне, актеру, против него? Разумеется, при помощи своего профессионального труда. Ведь профессия дает так много возможностей (и так порой мало) для этой борьбы. Чтобы хам стал легко и всеми узнаваем в любой ситуации. Чтобы было ему неуютно в обществе. Чтобы превратился он в некоего отшельника, обреченного на полное одиночество. До конца своих дней. Я готов это сделать в полную меру своих сил и возможностей. Но где такая пьеса, способная вызвать к жизни спектакль? И почему ее нет? Почему в жизни мы встречаемся с хамством, а на сцене об этом нередко стыдливо умалчиваем?

Почему Маяковский в свое время видел эти отрицательные стороны бытия и разил носителей зла острой сатирой?

Почему наша сатира не может быть такой же бескомпромиссной?

Я же хочу принимать активное и сильное участие в уничтожении всякого зла, мешающего человеку жить и трудиться. И не только в театре, но и в кино, на телевидении, обращаться не только к сидящим в зрительном зале, но к значительно большей аудитории. Согласитесь, нельзя отказывать актеру в его естественном праве — и профессиональном, и чисто человеческом.

Я про что? Про не видимые миру слезы...

Алейникова, к примеру, так и похоронили Ваней Курским...

Актер — существо беспокойное. Мало работы в театре — готовит концертную программу, едет порой «к черту на кулички», чтобы где-то выразить многое из наболевшего, увиденного, понятого в жизни, поделиться тем, что волнует, не дает покоя. И ничто не может остудить этой его гражданской страсти.

Трудно жить в искусстве. Вернее, выжить в нем. Говорят: жизнь поможет, она научит. Так ведь, получая что-то, надо отдавать. Хочется отдавать. Самый страшный долг — долг души.